

Мих. ЛЕВИДОВ

Мания популярности Диагноз болезни

Очерк

Это слова не футуриста. Это слова Виссариона Белинского:

«Толпу можно иногда запугать, чтоб заставить удивляться себе. Скажите толпе дикую резкость, и, не дожидаясь ее ответа и не давая ей прийти в себя от первой резкой нелепости, говорите другую, третью, и говорите с уверенностью в непреложности своих мыслей, смотрите на толпу прямо, не мигая и не моргая».

Еще Белинский предсказал тот метод приобретения славы, какой с успехом практикуют футуристы. Толпа негодовала, толпа бранилась, возмущалась, но «Пощечина общественному вкусу» прогремела достаточно звонко, футуристы своего добились, о них заговорили. Во имя чего была, однако, вся эта борьба? Не страшно ли, что презрение к публике соединяется вместе с погоней за ее признанием?

«Что вы глазеете на меня? Что я, — Венера Медицейская, балерина или утопленник? Я пишу рассказы; они вам, очевидно, нравятся, — очень рад этому обстоятельству. Но зачем же вы ходите за мной по следам, смотрите мне в рот, хлопаете мне?..» — так негодуяще обрушился в свое время на публику Горький.

А вот г. Вл. Маяковский, напротив того, очень мечтает сочетать в своей персоне и Венеру Медицейскую, и утопленника, и балерину, и «Облако в штанах», лишь бы ходили за ним, смотрели в рот, хлопали... Лавры рыжего, которому кричат с галерки цирка зычным голосом: «Рыжий, мотайся», не дают ему покоя...

С презрением относится к публике Горький, — один из многих русских писателей, кто не болен странной болезнью, жаждой популярности. С презрением же относится к публике как будто и г. Вл. Маяковский. Но какая глубокая разница между этими двумя видами презрения.

Всмотримся в отношении к толпе Л. Андреева. «Нет, гг. почитатели, несите ваши восторги тенорам, борцам, призовым лошадям, балеринам, но оставьте писателей: стыдно». Так говорил Л. Андреев, комментируя столкновение Горького с публикой, происшедшее в Художественном театре. Не забудем, что слова эти принадлежали не нынешнему Л. Андрееву, всемирно известному писателю, а скромному фельетонисту московских газет г. Джемсу Линчу. А когда Джемс Линч стал Леонидом Андреевым и сам побывал в «обезьяньих лапах», тогда вот что стал говорить об отношении Л. Андреева к публике К. Чуковский: «...он (Л. Андреев), как никто, никогда в нашей литературе дрожит перед этой обезьяной (публикой) и всячески старается ей угодить, и во всем ее слушаться, и все свои трагедии изготавляет для нее...»

Как соединить это обличение с гордыми словами Джемса Линча: «...оставьте писателей: стыдно». Неужели не устоял против болезни и Л. Андреев?

«В России почетнее быть фальшивомонетчиком, чем знаменитым русским писателем», — с наигранной грустью, с благородным возмущением говорит К. Чуковский. Не потому ли он, К. Чуковский, и свел свою литературную деятельность как бы к чеканке «фальшивых монет», к характеристикам неискренним, задуманным, как подделка, но выполненным блестяще, мастерски? Ибо сделать Андреева «самым радостным, самым оптимистическим писателем ... поэтом тихим, элегическим, ласковым и спокойным» (К. Чуковский. «Л. Андреев большой и маленький», с. 62), разве это не чеканка фальшивых монет? Аналогичный опыт произвел К. Чуковский и с Гаршиным, и с Короленко, и с Горьким, словом со всеми, кого касался его «кривозеркальный» взгляд, его ловкая рука. В чем дело? Чем объясняется эта поистине странная психология критика? Не тем ли, что основной пафос творчества и у К. Чуковского это — удивить, поразить, «épater le bourgeois» *, что он пишет всегда с мыслью о читателе, что он никогда не хочет объяснить писателя себе, а стремится «подать» его под разным гарниром читателю? Не тем ли, что «он... как никто, никогда в нашей литературе дрожит перед этой обезьяной (публикой) и всячески старается ей угодить...»? Ибо, когда у писателя — налицо средства, но отсутствует цель, — то целью становится рынок, публика, читатель. Но ведь Чуковский ненавидит, презирает читателя, — вспомните хотя бы лучшую, наиболее искреннюю статью его:

* эпатировать буржуа (фр.). — *Ред.*

«Нат Пинкертон и современная литература». Здесь мы опять сталкиваемся с этим странным психологическим противоречием, с этой болезненной двойственностью в отношении к публике.

Известно, что наиболее сурово отнесся к Чуковскому как к «невзрослому» критику г. А. Крайний, он же З. Гиппиус. Антон Крайний имел право на это. Свои статьи он пишет исключительно для себя, а не для публики, пишет с брезгливостью, как будто даже аристократически-презрительно цедит их сквозь зубы. З. Гиппиус не отстает от А. Крайнего в этом отношении. «Люблю себя, как Бога», — было одно из первых слов ее. Презрение к другим, к публике входит составной частью в эту формулу. Но формула — формулой, а жизнь — жизнью. Вздумалось З. Гиппиус написать пьесу «Зеленое кольцо». История о том, как эта пьеса провалилась, и как автор обиделся на публику и критику, обвинив их в непонимании — еще свежа. Правда, З. Гиппиус старалась удержаться в седле, заявив во всеуслышание, что для нее было бы неприятнее, если бы пьеса имела успех. Но ведь ребенку ясно, что это значит — *faire bonne mine au mauvais jeu* *.

Есть две формулы, обе одинаково правильные: «истинный талант всегда остается непонятым своими современниками» и «истинный талант всегда понят». Эти-то формулы и служат логическим послесловием и оправданием психологии, как в одном случае, презрения к публике, так и в другом — погони за ее одобрением. Пьеса проваливается, — на сцене первая формула, — имеет успех, — на сцене вторая. Таким путем создается самообман, иллюзия «честности с собой», кажущееся отсутствие двойственности в отношении к публике у писателя. Но этим отнюдь не устраняется наличие в душе большинства писателей наших болезненного, обидного, унижительного противоречия: бескрайнего презрения к читателю, и безграничной жажды его признания, *alias* ** успеха, популярности etc. ...

Мы видели, как мирно уживается в душах Андреева, Чуковского, Гиппиус презрение к читателю с жаждой его признания, как каждого из них следующей обвиняет в этом грехе. Но ими ли тремя начинается и замыкается этот круг? Разве не входит в него хотя бы Арцыбашев, этот человеконенавистник и скептик «*pur sang*» ***, которому мир кажется сплошным свиным хлебом? Казалось бы, что ему до писательских лавров, до популяр-

* сделать хорошую мину при плохой игре (фр.). — *Ред.*

** он же (фр.). — *Ред.*

*** чистокровный, истинный (фр.). — *Ред.*

ности? Однако чем иным, как не желанием, чтобы свиньи, наполняющие хлев, почаще хрюкали звучное имя «Арцыбашев», объясняется привычка Арцыбашева упоминать в своих рассказах и романах свое имя? «У писателя Арцыбашева есть рассказ о великом знании», «писатель Арцыбашев говорит...» Все эти фразы, произносимые героями Арцыбашева, в свое время испортили не мало крови у пуритан от литературы. Негодовать тут, пожалуй, нечего, но подумать есть о чем.

А Сологуб? Увы, и он не чужд круга. «Это о вас, милые соотечественники, я писал “Мелкого Беса”», — с гордым презрением заявляет этот верный рыцарь Дульцинеи, обращаясь к грубой Альдонсе. Но, кто презирает, — тот не объясняет. Почему же с такой истовой, необычайной серьезностью пытается Сологуб теоретически обосновать, объяснять Альдонсе свое творчество? Почему и в его писательской физиономии так много элементов подозрительности и обидчивости? И проклятый круг все ширится и разрастается, своим паутинно-стальным обхватом сжимает и вылощенного демона Брюсова, усердно комментирующего (во имя любви к русской литературе?) свои произведения, и истерического Вл. Маяковского и парикмахерски-талантливого — Игоря Северянина...

И не их одних, не их одних охватила мания популярности.

Стоит ли удивляться? Талантливые писатели встречаются довольно часто; талантливые души — увы! — очень редко.

